

Двадцать девятое июня

Было четыре часа утра...

Степь обливалась золотом первых солнечных лучей и, покрытая росой, сверкала, точно усыпанная бриллиантовой пылью. Туман прогнало утренним ветром, и он остановился за рекой свинцовой стеной. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо, смирно, только изредка покланиваясь друг другу и пошептывая. Над травой и над нашими головами, плавно помахивая крыльями, носились коршуны, кобчики и совы. Они охотились...

Аким Петрович Отлетаев, мировой судья, земский врач, я, зять Отлетаева Предположенский и волостной старшина Козоедов ехали все шестеро на отлетаевской коляске-розвальне на охоту. За коляской, вывалив языки, бежали четыре пса. Я и земский врач народ худенький, остальные же толсты, как стоведерные бочки, а потому, несмотря на то, что дедовская коляска была и широка и глубока, нам было до чёртиков тесно. Я то и дело толкал локтем и ружейным прикладом в живот Козоедова. Все мы толкались, пыхтели, морщились, всей душой ненавидели друг друга и с нетерпением ждали того времени, когда нам можно будет вылезть из коляски. Ехали мы подальше в степь пострелять куропаток, стрепетов, перепелов, болотной дичи и, если фортуна оглянется на нас, дрохв. Предводительствовал нами хозяин коляски и коней Отлетаев, по милости которого мы и ехали на охоту. Тела наши были сдавлены, но зато души были преисполнены радостями самого высшего качества!

Кто никогда не ездил и не шлялся на охоту, тому не понять этих радостей. Мы держали наши ружья и глядели на них так любовно, как маменьки глядят на своих сыночков, подающих большие надежды.

А каков наш будет маршрут? спросил я, когда мы отъехали от Отлетаевки верст на десять.

Сейчас едем на Еланчик, отвечал Отлетаев, бекасов стрелять... Отсюда это верст восемь будет. Там же и перепелов на просе постреляем... Пострелявши перепелов, ночевать станем, а уж завтра чуть свет у нас самая-то настоящая стрельба начнется...

А что, господа, как думаете, спросил я, показывая пальцем на коршуна, который купался далеко в небесной синеве, можно ли попасть отсюда? Попадете?

Не попадешь! сказал Отлетаев. Далеко очень! Впрочем, из моего ружья попадешь...

И из вашего ружья не попадешь, заметил Предположенский.
Попадешь. Дробью не попадешь, не достанет, а пулей наверно...
И пулей не попадешь.
Уж это позвольте мне знать, попаду я или не попаду! Вы ружья моего не знаете, а я знаю... Вы отродясь не видали хороших ружей, а потому это вам и кажется таким странным... Я и дальше попадал...
Предположенский откинул назад голову и засмеялся...
Чего же смеешься? продолжал Отлетаев. Не веришь, небось?
Разумеется, не верю.
Гм... Ружья моего, значит, не знаешь... Ружье замечательное! Недаром шестьсот целковых стоит...
Сколь...ко?? спросил Предположенский и вытянул шею... Сколько? Повторите, папаша!
Шестьсот рублей... Чего же ты смеешься? Ты погляди на ружье, да потом и скаль зубы!
Я вижу... Чьей фабрики?
Марсельское... Фабрики Лепелье...
Лепелье? Не слыхал что-то такой фабрики... Ружье, как ружье... Рублей сто стоит... Не люблю, тесть, когда вы врете! Зачем врать? Я не понимаю, зачем врать?
Ружье хорошее, заметил мировой, но шестисот не стоит. Вы переплатили, Аким Петрович!
Он вовсе не переплачивал! горячился Предположенский, он врет! Врет, как школяр!
Отлетаев завертелся и покраснел.
Не таковский, чтоб врать, сказал он. Так-то-с! Ты вот... ты вот так врешь! Ну да! Ты вот так и норовишь уколоть! С тобой ездить не следует. Я не знаю, зачем я с тобой поехал!..
И не ездил бы... Зачем врать, не понимаю! Врет, как свинья!
Сам свинья! Свинья и дурак вместе с тем...
Мы начали усовещивать Предположенского.
Пусть он не врет! оправдывался непокорный зять. Моя душа возмущается, ежели кто врет... И свиньей пусть не бранится. Сам он свинья, вот что! А если ему неприятно, что я еду, так... шут с ним! Я могу и не ехать!
Ну, полноте! Аким Петрович и не думал вас оскорблять! Стоит ли поднимать бурю из-за пустяков?
Предположенский надулся, как объевшийся индюк, и умолк.
Нельзя-с! обратился, немного погодя, к Предположенскому Козоедов.
Нельзя-с! Он вам теперь, можно сказать, вместо родителей, тесть он вам, а вы

грубости наносите... А грешно!

Зять взглянул презрительно на старшину и сардонически усмехнулся...

Тебя спрашивают нешто? спросил он. Спрашивают? Молчи, коли... Сиди, ежели сидишь!.. Заместо родителей... Говорить еще не умеешь, а тоже лезешь... Гм... Суконное ры... Мужлан!

Вот видите-с, какие вы! Не любите, коли люди покойно сидят. Я хотя и из простого звания произошел, хотя, могу сказать, и никакого образования не проходил, но могу сказать, что имею в груди, и в сердце, и в душе всякие чувства, а вы вот так нет, хоть вы и науки проходили по всем степеням... Так-то-с!

Перестаньте, господа! вмешался я. Полно вам друг другу мораль читать! Давайте молчать...

Отлетаев с сопеньем вытащил из бокового кармана объемистый, сильно потертый портсигар и запустил в него свои толстые пальцы. Доктор и мировой протянули руки к его портсигару.

Нет-с, извините-с! сказал внушительно Отлетаев. Дружба дружбой, а табачок врозь. Мне самому не хватит... Дорога велика, а у меня папирос-то с собой только четыре десятка...

Доктор и мировой сильно сконфузились и, чтобы скрыть подальше от света белого свой конфуз, засвистали из Мадам Анго.

Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев, и невежа страшная...

Мы его терпеть не могли. Сконфуженный доктор закурил собственную папироску и начал рассказывать анекдоты. Рассказал он их штук двадцать; из них только один не был сальным, остальные же так и таяли в наших ушах.

А вы, батенька, мастер! похвалил я доктора. Не знал я, что вы такой юморист! Да-с... Кое-что знаем, сказал доктор. Ежели б я захотел в журналах сотрудничать, то миллионы бы имел. Больше вашего зарабатывал бы. Не сомневаюсь... Чего же не сотрудничаете?

Не хочу!

Почему же?

Не хочу, вот и всё! Совесть есть! Нешто человек с совестью может в ваших журналах писать? Никогда! Я даже не читаю никогда газет! Считаю болванами тех, кто выписывает их, тратит деньги...

А я наоборот, заметил мировой, считаю тех болванами, кто не тратит деньги на газеты...

Доктор не в духе сегодня, сказал я. Не будем его трогать...

Кто вам сказал, что я не в духе? Я в духе... Вы потому так заступаетесь за газеты, что в них пишете, а по-моему, они... тьфу! Яйца выеденного не стоят. Врут, врут и врут. Первые вруны и сплетники! Газетчики те же адвокаты... Врут и не имеют совести!

Я был адвокатом, сказал мировой, а совесть имел.

Предположенский и Козоедов переглянулись и ехидно улыбнулись.

Я не про вас говорю... Я вообще... Вообще все мошенники... И газетчики, и адвокаты, и все...

Я, вместо того чтобы молчать, продолжал заступаться за газетчиков. Мировой продолжал заступаться за адвокатов... В коляске поднялся спор.

А медицина-то ваша? ухватился я. Медицина? Что она стоит? Небось не врете?

Только денежки берете! Что такое доктор? Доктор есть предисловие гробокопателя... вот что-с! Впрочем, я не знаю, для чего я с вами спорю?

Разве у вас есть логика? Вы кончили университет, но рассуждаете, как банщик...

Говорите хладнокровно! Можно, полагаю, и без оскорблений!

Газетчиков и адвокатов ругаем, забасил Предположенский, а самой настоящей-то ввали и не видим... Потолкуйте-ка с тестюшкой, он любого адвоката по брехательной части за пояс заткнет...

И так далее... Слово за слово, гримаса за гримасой, сплетня за сплетней, и дело зашло чёрт знает куда...

Мы начали рассказывать всё, что за зиму накопилось в наших душах друг против друга. Мы перещеголяли старых девок.

Между тем пока мы, не выпавшиеся, полупьяные, каверзили друг против друга, солнце поднималось всё выше и выше... Туман исчез окончательно, и начался летний день... Было кругом тихо, славно...

Только мы одни нарушали тишину...

Подъехав к первому попавшемуся болотцу, мы вылезли из коляски и, сердитые, надутые, побрели в разные стороны. Водворять среди нас согласие взялся Козоедов. Он подбросил высоко вверх трехкопеечную монету, выстрелил в нее и попал. Мы все вместе подняли монету, сосчитали на ней число следов от дроби и кое-как разговорились.

Предположенский согнал коростеля и убил. Мы его поздравили и крикнули ура. Согласие было бы окончательно водворено, если бы не доктор. Доктор, пока мы поздравляли Предположенского с первым успехом, подошел к коляске, развязал кулек и принялся ублажать себя водочкой и закуской.

Доктор! Что это вы там делаете? крикнул Отлетаев.

Ем и пью.

Какое же вы имеете право распоряжаться?

А что?

Это для вас положено? Не понимаю этого, извините, свинства! Не мог подождать! Что это вы раскупили? Батюшки! Это моя настойка! Какое вы имеете право, милостивый государь?

Не кричите, пожалуйста! Потихе!

Ведь эту настойку я для себя взял! Слаб здоровьем, взял настойки, и... на поди! Раскупорили! Просили его! Заверните балык!

Не заверну! Вам, неприличный и неделикатный человек, должно быть известно, что на охоте всё общее... Какой вы, извините, невежа!

Доктор выпил рюмку настойки и назло Отлетаеву отрезал себе огромный кусок балыка. Предположенный подскочил к коляске и, чтобы насолить тестю, выпил из горлышка половину настойки... У Отлетаева навернулись слезы.

Это вы назло? зашептал он, хорошо же! Хорошо! Вот вы как... Мерси боку...1 Мировой, не знавший, в чем дело, подошел к коляске.

А-а-а?... Закусываете? спросил он. А не рано ли? Впрочем, одну пропустить не мешает... За ваше здоровье!

Мировой налил себе рюмку настойки и выпил.

Очень хорошо-с! Прекрасно-с! крикнул уже Отлетаев.

Что прекрасно? спросил мировой.

Ничего...

Отлетаев сел в коляску, бросил на траву кулек, иронически нам поклонился и ударил кучера Петра по спине.

Поезжай! крикнул он.

Куда это вы? удивились мы...

Ежели я вам противен... необразован... Козоедов! Иди садись, голубчик! Где нам, мужикам, с господами учеными охотиться? Освободим их от своего присутствия! Иди, милый!

Куда же вы? Что вы дурака корчите?

Ежели я дурак, то зачем вам беспокоиться?... Пущай! Я и есть дурак...

Прощайте-с... я домой...

А мы же на чем поедим?

На чем знаете... Коляска моя.

Да ты, тестюшка, белены, что ли, объелся? крикнул Предположенный.

Козоедов сел рядом с Отлетаевым и смиренно снял шляпу.

Ты с ума сошел? продолжал Предположенный. Вылезай из коляски!

Не вылезу. Прощай, зять! Ты человек образованный, гуманный, цивилизованный... А я... Что я?

А ты дурак! Господа, что же это такое? Кто его раздражил? Вы, доктор? Вы, чёрт вас возьми, вечно лезете со своим ученым носом не в свое дело!

Я для вас не тесть... Прошу не орать, обиделся доктор. Коли будете орать, так и я уеду...

И уезжайте! Велика потеря! Скажите пожалуйста!

Доктор пожал плечами, вздохнул и полез в коляску. Мировой махнул рукой и тоже полез в коляску.

Мы вечно так, вздохнул он. Никогда у нас ничего не выходит...

Погоняй! крикнул Отлетаев.

Петр чмокнул губами, дернул вожжи, и коляска тронулась с места.

Я и Предположенский переглянулись.

Стой! крикнул я и побежал за коляской. Стой!

Стой! заорал Предположенский. Стой, скоты!

Коляска остановилась, и мы уселись.

Я тебе всё это припомню! сказал, сверкая глазами, Предположенский и погрозил тестю кулаком. Всё! До смерти будешь помнить этот день!

До самого дома мы ехали молча. В душах наших радости высшего качества сменились самыми скверными чувствами. Мы готовы были слопать друг друга и не слопали только потому, что не знали, с какого конца начать лопать...

Когда мы подъехали к отлетаевскому дому, на террасе сидела мадам Отлетаева и пила кофе...

Вы приехали? удивилась она. Что так рано?

Мы вылезли из коляски и молча направились к воротам.

Куда же вы, господа? закричала мадам Отлетаева. А кофе пить? А обедать? Куда вы?

Мы повернулись к крыльцу и молча, внушительно погрозили нашими огромными кулаками. Предположенский плюнул по направлению к крыльцу, выругался и отправился спать в конюшню.

Дня через два Отлетаев, Предположенский, Козоедов, мировой, земский врач и я сидели в доме Отлетаева и играли в стуколку. Мы играли в стуколку и по обыкновению грызли друг друга...

Дня через три мы поругались насмерть, а через пять пускали вместе фейерверк...

Мы ссоримся, сплетничаем, ненавидим, презираем друг друга, но разойтись мы не можем. Не удивляйтесь и не смейтесь, читатель! Поезжайте в Отлетаевку, поживите в ней зиму и лето, и вы узнаете, в чем дело...

Глушь не столица... В Отлетаевке рак рыба, Фома человек и ссора живое слово...

Очень благодарен (франц. merci beaucoup).